

Цзян ХаньЯ замер на месте; единственным его непреодолимым желанием в этот миг было вырвать ту самую книгу из рук, швырнуть её на землю и с яростью растоптать в пыль.

Кто вообще был автором этого произведения?

Цзян ХаньЯ всем сердцем прочувствовал всю глубину злонамеренности того, кто слагал эти строки.

Это определенно было сделано намеренно!

Впрочем... назвать это чистым злом было бы слишком громко; скорее, всё это напоминало изощренную, издевательскую насмешку.

Крайне гадкую и едкую насмешку!

Если предок семьи Цянь была женщиной-воителем, почему бы просто не написать об этом прямо? Что мешало изложить всё как есть?

Но нет, автор намеренно умалчивал о её поле, облакая описания в такую туманную форму, что любой читатель неизбежно оказывался введен в заблуждение.

Неужели нельзя было использовать слово «героиня»? Неужели было столь необходимо писать «герой и выдающийся муж»?

Это определенно было сделано с холодным расчетом!

Если бы Цзян ХаньЯ узнал об этом заранее, он смог бы подготовиться морально. Но теперь, когда всё его прежнее представление о ситуации с треском рухнуло, даже он – человек, всегда отличавшийся ледяным спокойствием и невозмутимостью, – не смог сдержать тяжелого, глубокого вздоха, пытаясь подавить нахлынувшие эмоции.

Однако обстоятельства не терпели промедления, и Цзян ХаньЯ не мог позволить себе роскошь предаваться пустой досаде.

Он откинул капюшон, обнажая лицо, которое было полностью изменено с помощью искусной маскировки.

В отличие от его истинного облика – облика благородного юноши с глазами-фениксами и алыми, как лепестки, губами, чей вид заставлял сердца трепетать, а сам он казался бесконечно далеким от мирской суеты, подобно сияющей в ночи луне, – его замаскированное лицо выглядело на редкость заурядно.

Это было самое обыкновенное лицо, лишённое каких-либо запоминающихся черт; такой облик мгновенно растворялся в любой толпе, не привлекая к себе ни капли внимания.

Однако проблема заключалась в том, что внешность скрыть можно, а вот врожденные манеры – практически невозможно.

Цзян ХаньЯ держался безупречно прямо, и в каждом его жесте, в каждом движении сквозила природная грация и абсолютная невозмутимость. Несмотря на то что черты лица стали

самыми посредственными, его повадки по-прежнему оставались слишком изысканными, невольно приковывая к себе взгляды окружающих.

Подобное вопиющее несоответствие между манерами и внешностью лишь делало его образ еще более странным, парадоксальным и, как следствие, привлекающим лишнее внимание.

Сам он, впрочем, не ощущал в этом никакой проблемы. Внимательно осмотрев себя в зеркале, он пришел к выводу, что его маскировка безупречна.

Цзян ХаньЯ перевел внимательный взгляд на девушку, стоявшую перед ним.

Внешне Цянь ШиСюэ казалась очень хрупкой и нежной, однако решительный, твердый блеск в её глазах красноречиво говорил о том, что она вовсе не та беспомощная девица, которой пыталась казаться.

Напротив, за этой маской скрывался по-настоящему твердый характер.

В самом деле, какая «хрупкая и беспомощная» девушка, обнаружив, что её спаситель, скорее всего, совершил тяжкое преступление и теперь объявлен в розыск, первым же делом бросится помогать ему скрыться?

Цзян ХаньЯ смотрел на Цянь ШиСюэ, и его глаза, черные, словно густая тушь, даже на этом заурядном лице выглядели невероятно притягательно и глубоко.

Цянь ШиСюэ заметно нервничала, но всё же нашла в себе силы решительно встретить его взгляд.

Спустя несколько мгновений Цзян ХаньЯ коротко кивнул:

- Благодарю.

Поскольку предок семьи Цянь была высокого роста, а Цзян ХаньЯ еще не достиг совершеннолетия и не успел окончательно вытянуться, женское платье сидело на нем на удивление неплохо.

Когда он вышел из внутренней комнаты, то, несмотря на всё то же самое посредственное лицо, его аура словно кричала каждому встречному прямо в уши:

«Красавица! Несравненная красавица!»

Девушка нахмурилась и тихо пробормотала:

- Ох, теперь возникли небольшие неприятности.

Манеры спасителя и его внешность слишком сильно контрастировали друг с другом. И чем сильнее был этот разрыв, тем больше любопытства и искреннего сожаления он вызывал у окружающих:

«Какая утонченная стать, какая грация! Почему же у неё такое невзрачное лицо?»

А чем больше было сожалений, тем пристальнее становилось внимание.

А значит, тем выше становилась и опасность.

- Спасибо за помощь, - Цзян ХаньЯ почувствовал, что его аура действительно претерпела изменения. - Я лишь временно одолжу это одеяние и обязательно верну его позже.

Женское платье и мужской халат различались в основном лишь фасоном, но в обоих типах одежды было одинаково удобно двигаться.

Он уже собирался сделать шаг к выходу, как вдруг снова раздался голос Цянь ШиСюэ:

- Пойдите!

- Что такое? - Цзян ХаньЯ остановился и обернулся к ней.

Цянь ШиСюэ ответила:

- Дело в том, что...

Начиная с трехдневной давности, стража в городе Цинло стала куда бдительнее, чем прежде.

Мало того что покинуть город стало значительно сложнее, так еще и на крепостных стенах теперь незримо присутствовали могущественные мастера, следящие за порядком.

Охрана у городских ворот была строже, чем когда-либо в истории: малейшее подозрение, любой странный жест - и человека немедленно уводили на допрос.

Скорость и эффективность прохода через ворота резко упали.

Однако всё это происходило на территории клана Цзян, и поскольку город располагался на окраине, допросы проводили исключительно при выезде из города.

Ходили слухи, что в более центральных районах городские ворота были заблокированы вовсе.

Клан Цзян обладала колоссальной властью, и простые люди, даже имея множество жалоб, не смели проронить ни единого слова протеста.

Обычная, ничем не примечательная повозка затерялась в длинной очереди на выезд.

Раньше стражники пропустили бы её без лишних вопросов и слов, но теперь времена изменились. Даже когда служанка, управлявшая повозкой, заверила, что внутри находится её госпожа, стражник непреклонно потребовал увидеть её своими глазами.

Служанка отчаянно пыталась защитить хозяйку, но стражник оставался непреклонен. После короткой и безуспешной перепалки госпоже из повозки всё же пришлось выйти.

Тонкие, изящные пальцы коснулись края повозки, и девушка в платье медленно спустилась по

ступенькам.

Ещё не видя её лица, окружающие подсознательно решили, что перед ними предстала истинная красавица.

Однако, когда она наконец спустилась и открыла своё истинное лицо, восхищённые взгляды толпы мгновенно сменились изумлением, а затем – волной искренней жалости.

Стражнику же было совершенно плевать на красоту или её отсутствие.

Его подозрительный взгляд задержался на руках девушки.

Белоснежная, почти прозрачная кожа, длинные пальцы.

Всё выглядело красиво, но костяшки были слишком широкими... совсем не так, как должно быть у женских рук.

Скорее, они напоминали...

Стражник не успел додумать эту мысль, как её прервал искренний, полный отчаяния и слёз плач.

Служанка, стоявшая у повозки, вдруг громко и надрывно зарыдала.

Словно больше не в силах сдерживать нахлынувшие чувства, она сорвалась на отчаянный крик:

- Мы были помолвлены с самого детства! В те времена их семья была даже беднее нашей, куда ни глянь! А теперь, когда с нашим господином случилась беда, этот человек показал своё истинное, гнусное лицо и даже посмел заявить, что моя госпожа уродлива!

Она всхлипнула, переходя на гневный тон:

- Тьфу! Да кто он такой, чтобы судить?! Пусть сам сначала посмотрит в зеркало! Теперь даже простой стражник смеет нас притеснять, заставляя госпожу выходить из повозки! Если бы наш господин был жив, я не верю, что они посмели бы так жестоко обращаться с госпожой!

Люди, как известно, обожают сплетни больше всего на свете. Плач служанки, хоть и был сумбурным и прерывистым, дал толпе достаточно деталей, чтобы в их воображении мгновенно сложилась полная картина происходящего.

Всё сводилось к классическому, до боли знакомому сюжету: семья невесты пришла в упадок, а жених, напротив, возвысился, обрел силу и теперь с презрением отказывается от прежней помолвки.

Такое случалось слишком часто. На континенте Черной Черепахи сила была превыше всего, и даже самые могущественные мастера, несмотря на весь свой былой блеск, могли в одночасье погибнуть или пасть в период кризиса.

Служанка продолжала плакать, не переставая, и горькие слёзы смешивались с румянами на её щеках, размазывая их по лицу.

Молчаливая госпожа лишь покорно опустила голову, обнажив изящную, белоснежную шею. Она не проронила ни слезинки, но её опущенные ресницы и застывший взгляд выражали глубокую, немую печаль.

За невероятно короткое время внимание людей полностью переключилось. Теперь их не волновал «контраст между статью и лицом» и они больше не жалели о невзрачной внешности девушки. Теперь ими двигало одно: «вот же подлец, бросил невесту в самую трудную минуту!»

Люди в очереди начали возбужденно перешёптываться, некоторые даже клялись, что лично знают, кто этот негодяй и что именно произошло в их семье.

Они перебивали друг друга, приукрашивая историю и рассказывая всё в таких подробностях, что оставалось только назвать имена, чтобы картина стала окончательной.

Разумеется, эти слухи дошли и до стражника.

Внезапно он почувствовал себя крайне неловко.

Присмотревшись к девушке более внимательно, он заметил, что её руки безвольно опущены, кончики пальцев белы, а ногти нежно-розовые, ровные и аккуратные.

«Кажется... совсем не похоже на мужские руки», – пронеслось у него в голове.

Да и аура не вызвала у него никакой тревожной реакции; она была совершенно иной, не имевшей ничего общего с теми признаками, что были зафиксированы в камне фиксации.

Приглядевшись еще раз, он понял, что и уровень культивации у неё весьма невысок.

Совершенно не похоже, чтобы эта хрупкая особа была как-то связана с тем... разыскиваемым человеком.

История этой девушки вызвала в его сердце искреннее сочувствие; он осознал, что явно поторопился с выводами.

Поэтому он смягчил тон и сказал:

- Хватит плакать. Мы лишь выполняем приказ и проводим плановую проверку, у нас не было намерения вас обидеть. Раз проверка окончена, пусть ваша госпожа садится в повозку. Можете выезжать из города.

Служанка, всё еще всхлипывая, помогла госпоже подняться обратно в повозку, с силой хлестнула лошадь, и экипаж медленно, под сочувственные взгляды толпы, покинул городские ворота.

Люди в очереди, впрочем, еще долго продолжали бурно обсуждать увиденное.

Вскоре из города вышли несколько человек, что-то быстро шепнули стражнику, и тот

официально объявил:

- По приказу городского лорда ворота закрываются!

Очередь мгновенно зашумела, вспыхнуло недовольство, но человек, стоявший рядом со стражником и напоминавший безмолвную тень, внезапно высвободил свою ауру.

В одно мгновение мощное, тяжелое давление обрушилось на толпу, подавив все жалобы и любые попытки выразить недовольство.

У этого человека был острый, как бритва, слух; он ловил каждое слово в толпе, пытаясь найти хоть какую-то зацепку, хоть малейший след, связанный с исчезновением гордости клана Цзян.

«Какая сила стоит за этим?!» – размышлял он.

«Только бы мне поймать их, и тогда я заставлю их заплатить сторицей за всё!»

Тем временем в толпе всё еще слышались обрывки разговоров:

- «Жена должна быть добродетельной», а у этой госпожи такая утончённая стать... эх, как жаль.

- Красота в костях, а не в коже. По-моему, она настоящая красавица, просто не в том сейчас положении.

- Эх, эти подлецы просто отвратительны! Ненавижу таких приспособленцев, которые смотрят на людей свысока, стоит им чуть-чуть подняться! И ведь таких полно вокруг!

Человек-тень полностью проигнорировал весь этот разговор о «подлеце и несчастной госпоже».

- И так ясно, что это бесполезная информация, – холодно констатировал он.

Подобные бытовые драмы не имели никакого отношения к их благородному мастеру из клана Цзян.

Ему нужно было действовать предельно осторожно, шаг за шагом распутывая этот сложный клубок, чтобы как можно скорее найти брешь в обороне противника.

За пределами города Цинло влияние клана Цзян практически сходило на нет.

Цзян ХаньЯ снял платье, меняющее ауру, вернул его вместе с полагающейся наградой Цянь ШиСюэ и искренне поблагодарил её.

- Не стоит благодарности, спаситель, – ответила Цянь ШиСюэ. – Если бы не вы, я бы наверняка погибла от рук банды Небесной Тени. Это сущий пустяк по сравнению с тем, что вы сделали.

- И всё же, спасибо, – Цзян ХаньЯ коротко кивнул ей. – У меня есть неотложные дела, прощайте.

Он мгновенно наполнил тело энергией и за несколько секунд полностью исчез из поля зрения Цянь ШиСюэ, оставив после себя лишь легкий порыв ветра.

Цянь ШиСюэ долго смотрела в пустую даль и молча, с силой сжала кулаки.

Сильные мастера... как же это прекрасно...

Боевые искусства! Она тоже будет практиковать боевые искусства!

После того как он окончательно покинул территорию клана Цзян, всё пошло как по маслу.

Дальнейший путь был свободен, и Цзян ХаньЯ благополучно направился к городу Байвэй – маленькому, невзрачному городку на самом краю континента.

Именно это место было отправной точкой для главного героя книги, будущего великого императора Инь Цичи.

Континент Черной Черепахи был невероятно огромен, и путь от центра до самых окраин в обычном режиме занимал колоссальное количество времени.

Но с помощью телепортационных формаций можно было значительно сократить дорогу, перемещаясь между ключевыми точками.

А в далёком тайном царстве, за пределами города Байвэй, Инь Цичи, даже не подозревая, что кто-то преодолел тысячи трудностей и проделал огромный путь, чтобы найти его, сидел, опустив голову и сосредоточенно глядя в книгу.

Толстые страницы перелистывались одна за другой.

На губах Инь Цичи играла легкая улыбка, а взгляд оставался рассеянным и задумчивым.

На обложке значилось название: «Верховный Черной Черепахи: Ограниченное издание».

Прочитав уже большую часть книги, он не испытал практически никаких сильных эмоций.

«Скучно», – подумал он.

Даже если в этой книге действительно описано будущее, пока оно не произошло на самом деле, всё это казалось ему лишь красивой иллюзией.

Однако, перевернув ещё несколько страниц, он наткнулся на следующие строки:

[...единственный, кто мог бросить ему вызов, мастер стадии псевдо-императора, сейчас стоял на коленях в холодном, сыром подземелье. С течением времени его способность к сопротивлению слабела, его некогда острые фениксовые глаза бессильно опустились, навсегда утратив прежний холодный и гордый вид...]

[...юноша, некогда способный сразиться с Инь Цичи на равных, теперь не мог даже самостоятельно ходить, окончательно превратившись в его игрушку...]

Инь Цичи замер:

- ...???

«Странно. Надо взглянуть на этот момент ещё раз».

<http://bllate.org/book/17943/1720817>